

НАРОДЫ СССР

Ч. М. Таксами. Основные проблемы этнографии и истории нивхов. Середина XIX — начало XX в. Л., 1975, 238 с.

Выход в свет книги Ч. М. Таксами о нивхах весьма своевременен: за последние годы трудов о малых народах Севера появлялось мало, а интерес к ним все возрастает. Правда, нивхам в русской литературе всегда уделялось достаточно внимания. Начиная с середины XIX в., вышел ряд работ, посвященных их своеобразной материальной и духовной культуре. Однако происхождение этого народа до сих пор является загадкой. Недостаточно ясен и их социальный строй.

В рецензируемой книге суммированы данные многих предшествующих трудов, давно уже ставших библиографической редкостью. Опубликованные материалы автор значительно дополнил собственными, собранными во время экспедиций. Кроме того, он предлагает новые решения ряда вопросов нивхской этнографии и истории, что, несомненно, поднимет читательский интерес к рецензируемой работе.

В первой главе «Основные виды и формы хозяйства» (стр. 12—87) автор попытался проследить влияние русской капиталистической промышленности в конце XIX — начале XX в. на хозяйственную и экономическую жизнь нивхов. В ней детально описано их традиционное хозяйство — рыболовство, морской зверобойный и таежный охотничий промыслы. Однако с некоторыми положениями, высказанными в этой главе, трудно согласиться. Автор пишет, например, что комплексное хозяйство нивхов слабо отражено в историко-этнографической литературе (стр. 12). Как известно, именно этой теме посвящена значительная часть второго тома монографии Л. И. Шренка¹ и отдельные разделы книги Л. Я. Штернберга². В 1911 г. кропотливое статистическое обследование хозяйства нивхов Сахалина провел В. Меркушев; опубликованные им таблицы содержат первоклассные конкретные материалы³, к сожалению, даже не упомянутые в рецензируемом труде. Отметим также ряд работ о хозяйстве нивхов, опубликованных в 30-х годах XX в., некоторые статьи 1960-х годов и монографию Е. А. Крейновича о нивхах⁴.

Изменениям в нивхском хозяйстве в связи с влиянием русской капиталистической рыбной промышленности в первой главе уделено всего восемь страниц (80—87 стр.). Кстати, этот вопрос поднимается не впервые: в работах 1950—60-х годов он разбирался весьма подробно (в том числе и в книге самого автора)⁵. Нельзя не высказать сожаления, что в этом разделе не использованы материалы многочисленных архивов (особенно Центрального государственного исторического архива в Ленинграде, Государственного архива РСФСР Дальнего Востока). Архивные материалы позволили бы продемонстрировать изменения в хозяйстве нивхов более обстоятельно, показать его развитие в различных районах расселения нивхов на протяжении более 50 лет.

Глава вторая «Основные черты общественного строя» (стр. 88—129) является центральной в рецензируемой работе. Автор упрекает в ней Л. Я. Штернберга, в течение многих лет (в конце XIX — начале XX в.) исследовавшего общественный строй, религиозные верования и другие стороны жизни нивхов, в том, что он якобы не заметил экономического базиса нивхского рода — родовых промысловых угодий и того

¹ Л. И. Шренк. Об инородцах Амурского края, т. II. СПб., 1899.

² Л. Я. Штернберг. Гиляки, гольды, орочи, негидальцы, айны. Хабаровск, 1933.

³ В. Меркушев. Статистическое обследование инородцев Сахалина, Сахалин, 1913.

⁴ Е. А. Крейнович. Нивхгу. М., 1973, с. 73—169.

⁵ М. А. Сергеев. Некапиталистический путь развития малых народов Севера. М., 1955. О том, как русская капиталистическая промышленность конца XIX — начала XX в. повлияла на хозяйство нивхов, ульчей и других малых народов, живших на Нижнем Амуре, сообщалось в книгах: А. В. Смоляк, Ульчи. М., 1966; Ч. М. Таксами. Нивхи. Л., 1967.

факта, что у каждого рода имела своя, строго определенная территория расселения. Л. Я. Штернберг писал (и показывал это на примерах), что нивхи свободно переселялись из одного места в другое по многим причинам, но главным образом в поисках наиболее благоприятных промысловых мест⁶. Ч. М. Таксами же утверждает, что у нивхов существовал обычай обязательного совместного проживания сородичей на родовой территории (стр. 104, 105, 107) и что родовые промысловые угодья сохранялись у них вплоть до 30-х и даже 50-х годов XX в. (стр. 97, 102 и др.). Такая позиция противоречит взглядам многих ученых. Л. И. Шренк писал, что в 50-е годы XIX в. в нивхских селениях материка вместе с нивхами жили ульчи, ороки, а в некоторых селениях Сахалина — также и айны⁷. Л. Я. Штернберг в конце XIX в. проведя подворную перепись селений Сахалина и ряда селений материка, обнаружил, что в общих с нивхами селениях жили также негидальцы, нанайцы, айны, ороки, ульчи⁸. Согласно материалам Л. Я. Штернберга, в каждом селении жили нивхи различных родов (указана родовая принадлежность жителей), причем преобладали селения (в зависимости от численности жителей) с числом родов от двух до восьми; имелись также смешанные в национальном отношении семьи. Л. Я. Штернберг писал, что члены почти всех родов расселяются на большие расстояния от своих сородичей — на огромной территории нивхского ареала — на Лимане, Амуре, Сахалине и что такое расселение было характерно для общественно-экономического уклада нивхского общества⁹. Случаи проживания в одном селении только членов одного рода были единичными (таковы несколько селений на Сахалине, насчитывающие по одному — два дома)¹⁰.

Перепись 1897 г. подтвердила смешанный состав нивхских селений: в них жили нанайцы, негидальцы, ульчи, представители других народностей¹¹.

В начале 30-х годов социальный строй нивхов исследовал А. М. Золотарев. Он не исключал, что лет триста назад нивхи жили на общих родовых землях и владели родовыми промысловыми угодьями¹², однако конкретных материалов о существовании такой стадии развития нивхского общества он не нашел.

Мало вероятно, что крупнейшие исследователи, специально изучавшие общественный строй нивхов¹³, не обратили внимания на существование единых родовых территорий. Таким образом, и в 50-х годах XIX в., и в 1897 г. и в 1930-х годах нивхи жили в селениях, смешанных по родовому и национальному составу, представлявших собой территориально-соседские общины. Таковы неопровержимые данные литературы.

Много места в рецензируемой работе отведено доказательству существования у нивхов родовой территории и родовой собственности на промысловые угодья. Автор сообщает, что нивхи до сих пор помнят род, основавший то или иное селение. Однако это отнюдь не служит доказательством его концепции: на Нижнем Амуре селения неоднократно появлялись и исчезали по различным причинам. Судя по документам XVII в.¹⁴, большая часть нивхских селений XIX в. возникла сравнительно поздно. Сведения об исконных местах промыслов, полученные от стариков во время экспедиций 1960-х годов, Ч. М. Таксами рассматривает как свидетельство существования родовых промысловых угодий, хотя нивхские роды, по данным Л. Я. Штернберга, подтвержденным позднейшими исследованиями, жили в это время децентрализованно. Семейные группы или отдельные семьи (поскольку они были оседлыми) действительно занимались промыслом в одном и том же месте из поколения в поколение, но рядом с данной семьей жили и промышляли на равных с ней основаниях члены других родов, инонациональные семьи и т. п.

В рецензируемой работе идеализируется род, а нивхское общество удревняется и примитивизируется. «Господство принципов коллективного труда побуждало каждого нивха трудиться сознательно и приносить посильно своему коллективу материальные блага» (стр. 116), — пишет автор. По его мнению, промысловые угодья, орудия рыболовства и другие средства материального производства, несмотря на выделение из среды нивхов торговцев, до самого конца XIX в. продолжали оставаться в родовой собственности и в пользовании патриархальных семей (стр. 123, 124). Ничего не говорится о конфликтах между родами. Между тем Л. Я. Штернберг на основании свидетельств фольклора и реальных исторических событий XIX в. писал о том, что войны между родами и родовая месть были частыми явлениями в жизни нивхов.

⁶ Л. Я. Штернберг. Указ. раб., с. 110.

⁷ Л. И. Шренк. Указ. раб., т. I, с. 16, 130 и др. т. II, с. 7 и др.

⁸ Л. Я. Штернберг. Указ. раб., с. 286—292.

⁹ Там же, с. 110, 111.

¹⁰ Там же, с. 110.

¹¹ С. К. Патканов. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири. ч. 2, СПб., 1912.

¹² А. М. Золотарев. Пережитки родового строя у гилияков района Чомэ.— «Советский Север», 1933, № 2.

¹³ Л. И. Шренк. Указ. раб. т. II, с. 117, 118, 120, 212, 218, 223; Н. К. Бошняк. Путешествие на Сахалин.— «Морской сборник», 1858, № 12; В. Меркушев. Указ. раб., с. 24, 26 и др.

¹⁴ Б. О. Долгих. Родовой и племенной состав населения Сибири в XVII в. М., 1960.

На это указывали специальные ритуалы и обряды, связанные с подобными конфликтами.

Автор приуменьшает и значение имущественного расслоения в нивхском обществе. Он спорит с конкретными данными Л. И. Шренка по этому вопросу (стр. 123—126), утверждая, что торговля как институт не создала существенных перемен в нивхском обществе, что торговцы занимались своими операциями как побочным делом. Однако аргументы Ч. М. Таксами недостаточно обоснованы. Выделение из среды нивхов эксплуататорских элементов он связывает только с приходом на Амур русских (стр. 122, 123). Между тем Л. Я. Штернберг привел убедительные доказательства начала этого процесса в значительно более ранний период; того же мнения придерживался А. М. Золотарев. Недостаточно убедительна и попытка Ч. М. Таксами доказать, что его предшественники не разобрались в вопросе о рабстве (стр. 124—127).

Каждое новое слово в этнографической науке необходимо приветствовать; выдвигая новую концепцию, автор в каждом случае обязан тщательно аргументировать свои позиции, показывать их отличие от взглядов своих предшественников. В рецензируемой работе автор не упоминает о многих расхождениях с высказанными ранее концепциями. Подлинная единица социального строя нивхов конца XIX — начала XX в. — территориально-соседская община — в книге не исследована. Ч. М. Таксами пытается реконструировать нивхское общество того периода, когда оно жило компактными родами, утверждая, что эта стадия сохранялась еще в начале XX в. Приведенных в книге материалов недостаточно для подобного вывода, они противоречат данным переписей и этнографической литературы.

На стр. 119—121 говорится о децентрализации нивхских родов в начале XX в.; указанные автором причины этого явления не характерны для XX в., они существовали издавна, как и само децентрализованное состояние рода (см. у Л. Я. Штернберга).

Видимо, в этой главе следовало уделить внимание исследованию нивхской семьи как социально-экономической ячейки общества, рассмотреть соотношение больших и малых семей на протяжении исследуемого периода, а также соотношение семей разных типов с родом, общиной. Это тем более необходимо, что промысловые угодья в начале XX в. действительно находились в пользовании семей¹⁵.

Читатель вправе ожидать и разработки в главе об общественном строе таких вопросов, как племя у нивхов, трехродовая фратрия. Ведь именно эти проблемы особенно оживленно дискутировались в научной литературе 70-х годов.

Автор выделил в отдельную (третью) главу тему «Семейные отношения и похоронные обряды» (стр. 130—155). Суммировав материалы Л. И. Шренка, Е. А. Крейновича, Л. Я. Штернберга, А. М. Золотарева, Ф. Августиновича, В. Панфилова и других, Ч. М. Таксами присовокупил к ним и свои полевые наблюдения. К сожалению, вопросу о структуре нивхской семьи, слабо разработанному в литературе, Ч. М. Таксами почти не уделяет внимания.

В четвертой главе «Народная духовная культура» (стр. 156—190) рассматривается устное народное творчество нивхов, их праздники и изобразительное искусство. Автор рассказывает о собирателях нивхского фольклора, особенно о самых первых — Л. Я. Штернберге и Б. О. Пилсудском.

В книге приведены фольклорные материалы из архива Л. Я. Штернберга, а также собранные самим Ч. М. Таксами. И в этом разделе и в следующем — «Народные праздники» помещено много интересных конкретных данных. Хорошо описан медвежий праздник. Так как труды первых исследователей, наблюдавших это явление нивхского быта, стали библиографической редкостью, широкому читателю будет интересно познакомиться с этим разделом.

Некоторые положения четвертой главы нам представляются спорными. Например, автор говорит, что медвежий праздник всегда проводился в январе, поэтому его можно считать сезонным (стр. 163). По нашему мнению, сезонные праздники характерны для охотников и рыболовов. Медвежий праздник на Амуре у нивхов и их соседей проводился в январе, феврале и даже марте; в другие месяцы года их устройство по разным причинам было невозможно. Автор, по-видимому, не совсем прав, утверждая, что в основе всякого медвежьего праздника были охотничьи игрища после добычи животного в тайге (стр. 164). Аналогичный обряд проводился также и после того, как медведя содержали в неволе в течение трех лет. Происхождение этих двух обрядов различно (об этом убедительно писали Б. А. Васильев и А. М. Золотарев). Спорно мнение автора и о том, что негидальцы, ульчи, орочи позаимствовали основные элементы медвежьего праздника у нивхов. Это положение опровергает, например, тот факт, что терминология, относящаяся к этому обряду, у ульчей не сходна с нивхской.

В разделе «Изобразительное искусство» автор характеризует скульптуру нивхов и их орнаменты. Для анализа нивхской скульптуры широко привлечены материалы музеев Ленинграда. Это несомненное достоинство работы. Заслуживают внимания и интересные полевые данные Ч. М. Таксами относительно семантики некоторых орнаментальных элементов (стр. 185, 186). Опираясь на исследования С. В. Иванова.

¹⁵ Об этом подробно говорится в статье Е. А. Крейновича «Морской промысел гиялков деревни Куль» — «Сов. этнография», 1934, № 5. Ч. М. Таксами в своей работе не упоминает об этих данных.

Л. И. Шренка, Л. Я. Штернберга, Б. Лауфера, И. П. Лаврова, автор хорошо показал области применения орнамента в нивхском быте. Особенно богато нивхи орнаментировали деревянные ритуальные ковши, употреблявшиеся во время медвежьих праздников (к сожалению, образцы их в книге не показаны, а вместо них на стр. 177 под названием «Резные деревянные ковши» представлены ложки). К сожалению, без ссылок на литературу описаны медвежьи ковши с пиктографическими знаками.

Автор присоединился к точке зрения Б. Лауфера, Д. Клеменца, Л. И. Шренка, согласно которой древний местный спирально-ленточный орнамент является нивхским по происхождению (стр. 190). Между тем современные исследователи — А. П. Окладников и С. В. Иванов — доказали, что древние элементы в амурском орнаменте характерны для предков нивхов, а также нанайцев, ульчей¹⁶. Полутно отметим, что невозможно согласиться с утверждением, согласно которому искусство орнаментации тканей стало известно нивхам, как и другим народам Нижнего Амура, лишь с середины XIX в. (стр. 184).

В пятой главе «Вопросы происхождения нивхов и их культурно-исторические связи» (стр. 191—230) собственно проблеме происхождения нивхов отведено всего 12 стр., культурно-историческим связям — 28. Как видим, этногенезу нивхов уделено сравнительно мало внимания. На наш взгляд, автор недостаточно оценил вклад Л. Я. Штернберга в разработку этой проблемы. Известно, что Л. Я. Штернберг опубликовал много конкретных материалов о происхождении нивхских родов¹⁷ и сделал вывод об их чрезвычайной смешанности¹⁸. Ч. М. Таксами придерживается взгляда о сравнительной «чистоте» нивхов. По-видимому, взгляды Л. Я. Штернберга неприемлемы для него. Однако умалчивать о его концепции по рассматриваемым проблемам автор, конечно, не вправе.

Л. Я. Штернберг разработал оригинальный метод изучения происхождения бесписьменных народов путем выявления истории входящих в них родов. Правильность этого метода была подтверждена в ходе изучения Л. Я. Штернбергом происхождения нивхов, а затем нанайцев и орочей. Методом Л. Я. Штернберга пользовались ученые, исследовавшие этногенез ульчей (Н. К. Каргер), ульчей и орочей (А. М. Золотарев), нанайцев (Н. А. Липская), нганасан, долган, энцев (Б. О. Долгих). В послевоенное время этот метод широко распространился в этнографии. Ч. М. Таксами применяет его лишь по отношению к нескольким нивхским родам тунгусского происхождения (Тапкал, Нсяхагил, Аюмкан), чтобы доказать, что они имели нивхское происхождение. Весьма плодотворно было бы обосновать существование группировок нивхских родов диалектными различиями; естественно было бы привлечь данные материальной культуры нивхов для решения проблем этногенеза, но автор этого не делает. О происхождении нивхов в книге говорится в духе старой шренковской гипотезы о том, что нивхи — исконные насельники данного региона, а все окружающие их соседи — поздние пришельцы. Л. И. Шренк не аргументировал свою концепцию, и это понятно, ведь 100 лет назад в России не были еще достаточно развиты ни лингвистика, ни археология, ни этнография. Работы советских лингвистов внесли существенные поправки в точку зрения Л. И. Шренка, однако в рецензируемой работе они не учтены.

В работе фактически утверждается, но не аргументируется, положение, что предки нивхов жили в современных местах еще в палеолите: на стр. 200 автор пишет, что ареал расселения предков нивхов сокращался, поскольку племена, заселявшие Америку, проходили через эти области и оседали здесь.

Значительную часть рассматриваемой главы автор посвящает доказательству более широкого расселения нивхов в XVII—XVIII в. При этом он использует старые работы, авторы которых ошибочно называли гиляками не только нивхов, но и негидальцев, ульчей, орочей. О подобных ошибках писали еще Л. И. Шренк и С. К. Патканов¹⁹.

Ценным источником для исторической науки является топонимика. Тщательное сплошное лингвистическое исследование многих сотен топонимов на обширных пространствах Приамурья и Приморья может дать богатые материалы и для решения проблем этногенеза живущих здесь народов. В рецензируемой работе приведены выборочные топонимы для доказательства положения автора о более широком расселении нивхов в прошлом. Однако приведенные примеры не всегда удовлетворительны. Так, автор переводит с нивхского название озера Анюн, отсутствующее в этих местах. Окончание *та*, встречающееся у топонимов в нанайском и ульчском регионах, он трансформирует в *ту* и толкует как нивхское — «озеро». В результате нанайское название селения Ямихта трактуется как нивхский топоним «дальнее озеро», хотя в районе

¹⁶ С. В. Иванов. Орнамент народов Сибири как исторический источник — «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. 81, М.-Л., 1963; А. П. Окладников. Древние амурские петроглифы и современная орнаментика народов Приамурья. — «Сов. этнография», 1959, № 2; *его же*. Тунгусо-маньчжурская проблема и археология. — «История СССР», 1968, № 6.

¹⁷ Л. Я. Штернберг. Указ. раб., с. 286—291.

¹⁸ Там же, с. 20, 21, 399 и др.

¹⁹ Л. И. Шренк. Указ. раб., т. I, с. 26, 27, 119 и др.; С. К. Патканов. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири. — «Записки РГО по отделению этнографии», т. XXXI, ч. II, СПб, 1906, с. 143.

Ямихты нет никакого озера. Ошибочно истолковывая и другие топонимы, Ч. М. Таксами считает их нивхскими, хотя они удовлетворительно переводятся с местных тунгусских языков. Автор не учитывает также, что в нивхском амурском диалекте очень много тунгусизмов (об этом говорят многочисленные исследования советских лингвистов). Все это имеет особо важное значение, когда речь идет о языковых заимствованиях. Пытаясь доказать свое положение о широком расселении нивхов в прошлом, Ч. М. Таксами пишет о заимствовании нанайцами и орочами терминов из языка нивхов (стр. 215 и др.). В то же время лингвисты показали, что часть приводимых терминов (нарты, юбки и др.) пришли к нивхам из тунгусских языков.

Следуя Л. И. Шренку, Ч. М. Таксами относит образование ряда соседних тунгусоязычных групп к позднему времени, в частности, по его мнению, улчи начали формироваться только в XVII в. (стр. 210). Однако это положение не подкрепляется конкретными материалами (не приводил их и Л. И. Шренк). Не только археологи, но и лингвисты считают, что предки тунгусоязычных народов Нижнего Амура, в том числе и улчей жили в этих местах по меньшей мере на рубеже нашей эры. Вообще улчам в рецензируемой работе не повезло. Хотя автор и говорит, что он не намерен исследовать вопросы их происхождения, но уделяет им немало места (стр. 210—214). В книге говорится, что улчи — это нивхи, к которым лишь в XVII в. примешалась небольшая группа тунгусов. Весь улчский ареал Ч. М. Таксами склонен рассматривать как нивхский только потому, что, вопреки мнению Л. И. Шренка считает гилякским район озера Кизи (между тем перепись 1897 г. показала, что нивхи там не жили). Автор не принимает во внимание ни языковые данные, ни процессы ассимиляции. Хотя А. М. Золотарев, описав улчскую культуру²⁰, тщательно паспорттизировал свои записи (сообщил родовую принадлежность каждого из своих информаторов, приложил к своей книге собранный им улчский этнографический словарь) Ч. М. Таксами почему-то считает, что в его книге в действительности описана нивхская культура (стр. 214).

Ч. М. Таксами показывает нивхский ареал более широким, чем в действительности, а этнос чистым. Он ни слова не говорит о том, что в XVII в. в исконных местах расселения нивхов существовали селения с тунгусоязычными названиями и жили «гиляки» с тунгусскими именами. Это замечание касается и исследования связей нивхов с негидальцами (стр. 206—209). Негидальские этнонимы трактуются как нивхские.

На стр. 45, 46 Ч. М. Таксами пишет, что тунгусоязычные соседи нивхов в конце XIX — начале XX в. вели кочевой и полукочевой образ жизни, отправляясь с семьями на поиски охотничьих угодий и зверя, что не соответствует действительности. Улчи, нанайцы (включая так называемых самагиров) и низовые негидальцы в середине XIX в. вели оседлый образ жизни; в их культуре не было никаких элементов кочевого быта. Они никогда не ходили на охоту вместе с семьями, жили в постоянных селениях, в прочных жилищах. Это отмечали еще Л. И. Шренк и многие другие авторы. Оседлость этих народов, а также негидальцев подтверждается данными «Историко-этнографического атласа Сибири».

В заключение пятой главы автор приводит материалы о связях населения Нижнего Амура с западными, северными, северо-восточными народами: здесь помещена сводка работ ряда археологов, лингвистов, историков, искусствоведов и этнографов, представляющая существенный интерес. Особый раздел посвящен культурно-историческим связям нивхов с русскими (стр. 226—230). В целом пятая глава, как уже отмечалось, посвящена скорее не проблемам этногенеза, а культурно-историческим связям нивхов с их многочисленными соседями.

В целом работа Ч. М. Таксами является весьма полной сводкой материалов по этнографии и истории нивхов. Хотя те или иные трактовки проблемных вопросов являются спорными, рецензируемая работа весьма полезна читателям, получившим множество сведений о нивхах, народе, мало известном, но чрезвычайно интересном во многих отношениях.

А. В. Смоляк

---

²⁰ А. М. Золотарев. Родовой строй и религия улчей. Хабаровск, 1939.